

# ЗАКОН ПОПУЛЯРНОСТИ

Елена Усачева



Моя реальная жизнь. Повести для подростков

Елена Усачева

# **Закон популярности**

«ЭКСМО»

2012

УДК 82-93  
ББК 84(2Рос-Рус)6-4

**Усачева Е. А.**

Закон популярности / Е. А. Усачева — «Эксмо», 2012

Андрей Васильев всегда считал себя звездой класса. Думал, что делает Ксюше одолжение, называя ее своей девушкой. Но, похоже, он серьезно ошибся: на самом деле все совсем по-другому. Одна неудавшаяся вечеринка, один глупый психологический тест – и вот пожалуйста! Бывшие друзья обходят его стороной, а Ксения без сожалений меняет Андрюху на другого парня... Впрочем, Васильев уверен – они еще пожалеют об этом!

УДК 82-93  
ББК 84(2Рос-Рус)6-4

© Усачева Е. А., 2012  
© Эксмо, 2012

# Содержание

Пролог	5
Глава первая	8
Глава вторая	14
Глава третья	19
Конец ознакомительного фрагмента.	25



## Елена Усачева

# Закон популярности

### Пролог

*Жизнь – нелегкое занятие, но трудно только первые сто лет.*  
*Мудрость*

Глухой колодец двора был мрачен. От шумной улицы его отделял П-образно стоящий дом, поэтому здесь было тихо и темно. Где-то там ходили люди, весело переговаривались, живя предощущением новогодних праздников, там горели фонари и носились машины. Все там. Тут же была печаль и уныние.

Андрюха Васильев сплюнул в затоптанный снег и достал очередную сигарету. Ему было холодно. Неприятный, раздражающий озноб шел изнутри, и никакая сигарета не могла согреть.

В этом доме веселились его одноклассники. Весь 9-й «Б» собрался на квартире Павла Быковского и праздновал свою собственную глупость.

Сначала хотели устроить вечеринку в школе, но Червяков, их классный руководитель, запретил. Тогда вперед вылез Генка Сидоров, предложив встретиться у него. А потом позвонила Рязанкина и сказала, что в последний момент все переиграли и отправились из крошечной квартиры Сидорова в огромные трехкомнатные хоромы Быковского.

Васильев смял в руках так и не зажженную сигарету.

Он предупреждал Рязанкину, чтобы она на эту вечеринку не ходила. Андрюху не позвали, и ей, его девушке, делать там нечего.

Но она пошла. И мало того – сообщила об этом Васильеву.

Стерва! Стерва и дрянь! Он ее в порошок сотрет.

Под ботинками скрипел снег. Всего пару часов назад по этой дорожке прошло тридцать пар ног, весь 9-й «Б», не считая его.

Казалось, что дальше себя накручивать было уже некуда. Но он раз за разом прогонял в голове вероятные картинки глобального веселья одноклассников, зля себя до предела. Он даже ног под собой не чувствовал, до того в нем кипела ярость.

Васильев задрал голову. На каком этаже находится девяносто первая квартира? Подъезд он нашел, но чтобы войти, нужно было набрать код, дожидаться ответа и только потом проникнуть внутрь. Но тогда о нем узнают. Не выгонят. Поглумятся, заставят упрашивать, чтобы пустили.

Со стороны двора окна мало где горели. Веселья ниоткуда слышно не было.

Андрюха пошел к арке, делящей дом пополам. Может, с другой стороны? Не могут же они сидеть в гробовой тишине.

Еще только выходя из арки, он услышал шум. Прямо под окнами на детской площадке кто-то топтался, звучали приглушенные ругательства.

Ну вот, народ делом занимается, – зло осклабился Васильев. Он бы сейчас сам с удовольствием кому-нибудь начистил морду. Быковскому или Сидорову.

Андрюха вышел из темноты каменных сводов и пригляделся. В узком палисаднике то ли дрались, то ли топтались пьяные. По крайней мере, один постоянно падал.

По-хорошему подходить не стоило. Соваться в чужую драку – самое последнее дело. Но Васильев не мог остановиться. Непослушные ноги несли его вперед, и вот он уже стал различать фигуры и... лица.

Невысокий здоровяк сидел на бортике палисадника, равнодушно глядя на топчущихся перед ними людей. Больше Андрюха ничего разглядеть не успел, потому что на него налетел Сидоров.

Глаза Генки были больше лица, волосы всклокочены.

– Сделай что-нибудь, – рванул он Васильева за руки. – Он убьет его.

Только теперь Андрюха понял, что странные ухающие звуки – это удары ногой по лежащему телу. Огромный детина навис над кем-то, закопанным в снег, и методично вколачивал в него ногу в большом ботинке.

Васильев прыгнул в палисадник. В снегу мелькнула вихрастая голова, взметнулась вверх рука со знакомой узкой ладонью.

– Бык, ты чего? – шагнул вперед Васильев, узнавая в лежащем Павла Быковского.

– Уйди! – прохрипел детина, легким движением выкидывая Андрюху за заборчик. – Ру! – рывкнул он, и сидящий на бортике лениво поднялся.

– Говорили, что по-честному, – нехорошо протянул он, подхватывая Васильева за штаны и воротник куртки. – Гуляй!

Андрюха опять взлетел в воздух, грудью упал на камень и закашлялся – от резкой боли перехватило дыхание.

– Прекратите! – взвыл Сидоров, но сильная рука Ру отправила его следом за Васильевым, а детина, в котором Андрюха узнал Алекса из десятого класса, вернулся к своему занятию.

– Зови народ! – Васильев отпихнул от себя ошалевшего Сидорова.

Генка икнул и замотал головой.

– Я... я... а-а-а! Не могу! – Он заткнул уши и повалился на землю.

– Придурик! – зло выплюнул Андрюха. – Уйди! Зашибу! – заорал он, вскакивая. И тут заметил, что со стороны дома к ним кто-то бежит. Невысокая легкая фигура скользнула через забор. Навстречу ей поднялся Ру.

Константинов!

– Костян! – заорал Васильев. – Задержи их, я сейчас!

Оскальзываясь на дорожке, Андрюха помчался к арке. Растянулся на повороте. Еще пять минут назад никакого льда здесь не было!

Кнопки домофона он вдавил с такой яростью, что аппарат возмущенно зашипел.

– Народ! – завопил он в холодную решетку. – Быстро! Быка убивают! Быстро!

В домофоне что-то запищало, фыркнуло. Но он уже слышал, как затрясся дом от десятка тяжелых ног, промчавшихся по лестнице. Ахнула дверь.

– Где? – первым мчался Ротов, за ним с сумасшедшими глазами вывалился Ярик Волков.

Дыхание у Васильева перехватило, он только смог кивнуть в сторону арки и бросился следом за всеми.

За ту секунду, что его не было на площадке, казалось, стало еще темнее. Но он заметил невысокого Константинова, лежащего под Ру, и все еще стоящего над поверженным Павлом Алекса.

– Сюда! – пронеслось над тихой площадкой.

– Ру! – взревел недовольный Алекс и метнулся к забору. Ру тут же оставил Константинова и исчез в темноте двора.

Васильев тяжело привалился плечом к стене дома. Мимо ураганом неслись одноклассники, возбужденно переговариваясь, пробежали девчонки. Андрюха обернулся.

В арке стояла Рязанкина.

Лица не было видно, но он узнал бы ее и в огромной толпе, и с закрытыми глазами.

Ксюша куталась в куртку с меховым воротником.

Ушедшая было ярость взметнулась новой волной.

– Пришла, значит? – негромко произнес он. Гулко метнулось в сводчатом перекрытии арки эхо и громом упало на асфальт. – А я предупреждал...

– Что там с Быковским? – Рязанкина плотнее запахнула воротник и сделала пару шагов вперед.

– Я тебя предупреждал! – с напором повторил Васильев.

– Подумаешь, – тряхнула головой Ксюша, подходя еще ближе.

– Дура! – коротко выплюнул из себя Андрюха. Рязанкина лишь на секунду задержалась и пошла дальше. – Дешевка! Купилась на пряники!

– Не нависай! – Голос у Ксюши был спокойный, даже равнодушный. – Ты тоже пришел.

– Пришел! Пришел, чтобы на тебя посмотреть!

– Смотри.

Рязанкина была рядом. С каким удовольствием он сейчас ей врезал бы. Васильев и не заметил, как сжал кулаки.

– Зачем ты мне позвонила? – выкрикнул он. – Чего хотела? Я тебе велел не ходить на эту чертову вечеринку? Какого лешего ты приперлась? Тебе они важнее? Ну и катись к ним! Чтобы я тебя больше не видел!

Он еще что-то кричал, все повторяя и повторяя, что она дура, что она без него загнется, но Ксюша его уже не слышала. Мимо потянулся народ. Быковского полунесли-полувели, но на ногах он более-менее стоял. Мелькнул Константинов и почему-то Жеребцова из параллельного.

– Кто это его? – Рядом остановился Волков.

– Не видел, – зачем-то соврал Андрюха.

Около Васильева присел на корточки Сидоров. Никогда еще Андрюха не видел отличника таким убитым.

– Не говори никому, – прошептал Генка и закрыл лицо руками.

Васильев поднял голову. Ксюши не было. Она ушла, оставив его одного.

## Глава первая

### Идет бычок, качается, вздыхает на ходу

*Жизнь – это то, что приходится делать, когда нельзя идти спать.*  
*Мудрость*

Карандаш завис над столом, словно решал, ударить ему сильно, очень сильно или еле слышно. Кончик качнулся и забарабанил быстрой дробью.

– И долго вы будете шуметь?

Карандаш стукнул последний раз, а потом и вовсе полетел на стол.

– Я жду тишины! – Учитель математики Юрий Леонидович Червяков хоть и говорил негромко, но в его голосе слышалась ярость. – Молчать!

Слова и интонации, обычно наводящие трепет на 9-й «Б», сейчас не действовали. Класс продолжал гудеть.

Обсуждали каникулы, праздники и особенно сорванную новогоднюю вечеринку. По следам еще свежих событий народ пытался разобраться, кто и в чем виноват.

– 9-й «Б»! Я обращаю ваше внимание... – после короткой паузы начал математик, но класс был настолько увлечен спором, что на учителя смотрели лишь примерные отличники с первых парт.

Виновных в драке искали долго, до хрипоты. Андрюха Васильев испрыгался по классу, пытаясь вытрясти из одноклассников правду. И только Ксюша Рязанкина молчала. Она сидела, опустив свою всегда безукоризненно причесанную голову, и разрисовывала страницу тетради причудливыми вензелями. Одна линия сплеталась с другой, поворот ручки прерывал тугой клубок зигзагов, превращая их в кривую ромашку.

Андрюха...

Она и не думала, что их ссора, произошедшая на новогодней вечеринке, затянется, тем самым поставив на их романе большой и жирный крест. И теперь Ксюша не знала, что делать.

Первый урок третьей четверти. Она специально отсела от Андрея, чтобы обратить на себя его внимание, но он ничего не сказал. Не подошел, не предложил сесть обратно. Не поздоровался. Не пытался встретиться с ней взглядом. Не спешил обсудить причину ссоры. Не хотел мириться.

Ксюша нажала на ручку сильнее, прорывая тонким стержнем бумагу. Ух, какая она сейчас была злая! Ведь это она выделила неказистого Васильева из общей серой массы класса, позволила ему быть рядом с собой. Кто он был до этого? Классный шут, оборванец, с осени по весну ходящий в одной потертой куртке. С ней, дочкой богатых родителей, он изменился. И тут вдруг эта глупая ссора. Он приказал ей не ходить на вечеринку, а она пошла. Вот еще трагедия!

И вот теперь Васильев бегает по классу, пытаясь что-то кому-то доказать. Лучше бы ботинки почистил и больше молчал.

Юрий Леонидович стоял возле доски, на губах у него гуляла довольная улыбка. Он ненавидел свой класс, его бесили эти дети, которые постоянно что-то устраивали, выясняли, мирились и ругались друг с другом. Их мышьяная возня вызывала у него раздражение. Но сейчас он даже был рад сорванному уроку. Это было лишнее доказательство неуправляемости его подопечных.

Впрочем, класс отвечал ему взаимностью. 9-й «Б» не любил Юрия Леонидовича Червякова, своего классного руководителя и учителя математики. И будь у них первым уроком любой другой, никто бы и не вспомнил о вечеринке, но сам вид Червякова заставлял учеников бунтовать.

Девятиклассники шумели бы весь урок, но тут дверь открылась, и в класс вошла невысокая темноволосая девушка в свитере и джинсах. Глаза у нее были сонные, что делало ее лицо наивно-открытым, словно она только что пробудилась от столетней спячки и теперь с удивлением смотрела вокруг.

9-й «Б» вопросительно посмотрел на неожиданное явление, но при этом никто и не подумал встать, поприветствовать вошедшего взрослого. Кто в какой позе был, в такой и застыл, при этом Васильев продолжал что-то с жаром доказывать Ярику Волкову.

– Ну что же, вы сами видите, – повернулся Юрий Леонидович к девушке. – Подобное поведение они считают нормой.

Класс, казалось, очнулся и лениво расплылся по своим местам.

Юрий Леонидович хотел сказать что-то еще, но взгляделся в сонные глаза собеседницы и недовольно поджал тонкие губы.

Он уже стал сомневаться, а правильно ли сделал, что пригласил к себе в класс психолога. Уж слишком этот психолог на психолога был не похож. Как бы эта девица не доказала, что класс великолепен, что всему виной неправильно выбранный педагогический подход. Хотя дети сейчас сами себе подписывают приговор. Пусть психолог посмотрит. Пусть полюбуется, с каким контингентом ему приходится иметь дело!

Пока 9-й «Б» рассаживался по местам, девушка взяла мел. На доске появился трехмачтовый кораблик, маленький остров с одинокой пальмой и обезьянкой, далекий горизонт, чайки и лукаво улыбающееся солнышко.

– Ну и что это за народное творчество? – скривился Васильев.

– «Явление Христа народу», – ответила психологиня, не оборачиваясь.

– Какое еще «Явление»? – буркнул Васильев, смутившись.

– Потому что меня вы явно не ждали. – Девушка лизнула кончики меловых пальцев. – И вот я вам явилась. Меня зовут Ольга Владимировна Златогорова. Я школьный психолог. А кораблик с островом вам понадобится для того, чтобы лучше представить, куда мы с вами сейчас отправимся.

– О, а Андрюха уже там! – ткнул пальцем в одинокую обезьянку Ярик Волков. – Вон, под пальмой прыгает.

– Пасть прикрой! – вяло ругнулся Андрюха. – Гланды простудишь! – Прищурившись, он посмотрел на доску. – Детский сад какой-то. Солнышко, птички...

– Я рада, что тебе понравилось, – еще шире улыбнулась Ольга Владимировна.

Васильев фыркнул и отвернулся к окну. Ему сейчас не было дела до того, что там рисовала психолог и что от них хотел Червяков. Внутри у него все клокотало. Еще две недели назад Рязанкина бегала за ним хвостом, не отходила ни на шаг, поддерживала любую идею, заглядывала в рот, ожидая новых шуток. И вот теперь эта самая Рязанкина сидит, приклеенная к стулу, и даже головы не поднимает. Мало того, что, войдя в класс, она сразу села на другое место, мало того, что не обронила в адрес Васильева даже скупого «Здравствуйте», она на него не смотрит. А ведь он был уверен, что ссора, произошедшая из-за вечеринки, на первом же уроке будет закончена. Но заканчивать Ксюха, видимо, ничего не хотела и своим молчанием только все усложнила. Он и обсуждать-то вечеринку начал для того, чтобы вызвать Рязанкину на разговор. Но она молчала.

Сидела, рисовала свои зигзаги и молчала.

– А теперь все внимание на меня! – Психолог прошла по ряду, заглядывая в лица девятиклассников. – Посмотрите на рисунок, – короткий палец ткнул в сторону доски, – возьмите листок бумаги и напишите, с кем бы вы отправились на этот необитаемый остров. Выбрать надо одного человека из вашего класса. Я хочу видеть на листочке ваше имя и фамилию вашего друга.

– А если я желаю взять всех? – Васильев вальяжно развалился на стуле. Ничего писать он не собирался. – Мне понадобятся рабы.

– Я сказала – одного, – негромко, но жестко ответила Ольга Владимировна.

– А можно двух? – робко уточнила Аня Смолова.

– Одного!

– Ну, что ж тут не понятно! – не выдержал Червяков, но психолог предостерегающе подняла руку, и Юрий Леонидович не договорил.

– А если у меня нет друзей? – недовольно пробурчал Стас Когтев. – И вообще я не хочу никуда ехать.

– Микрофон закрой и работай! – Васильеву в голову пришла хорошая идея, и он решительно дернул страницу из тетрадки. – Пряник дадут. – Он быстро написал имя и с любопытством уставился на психологиню.

Ольга Владимировна хитро прищурилась, выжидая время, а потом решительно повернулась к классу.

– А теперь пишите еще одного.

– Сразу сказать нельзя было! – проворчал Когтев, озадаченно глядя на листок.

– Ты против кого варезку разеваешь! – прикрикнул на него Андрюха. – Всем пис *ать*, плесень! – Он придвинул листок и третий раз написал свою фамилию. С самим собой на острове ему будет не скучно.

– А еще одного? – проявила догадливость Аня Смолова.

– Не спеши, – усмехнулась психолог. – Значит, друзей у вас пока двое? – Она проследила за поднятыми в ее сторону глазами. – Теперь пишите третьего!

Класс загудел, поняв, что их провели.

– Не плачьте! – Ольга Владимировна пошла по рядам. – Все закончилось! Сдавайте!

В руке психолога росла стопка разнокалиберных тетрадных листков и бумажных огрызков.

– Ну и что это был за фокус? – Васильев откинулся на спинку стула. Ему понравилось, как психологиня их всех развела.

Ольга Владимировна наградила Андрюху долгим взглядом.

– Мы написали, а вы все это завучу или директору покажете... – обиженно выкрикнул Ярик Волков, медленно комкая свой листок.

– Ты хочешь кого-то поразить своим выбором? – Лиза Курбаленко, подружка Ксении Рязанкиной, даже привстала, чтобы отдать свой листок.

– А чего тут удивляться? – довольно потер руки Васильев. – Как будто и так не ясно, кто у вас тут самый крутой!

– Ты думаешь, директору интересно, с кем ты дружишь? – усмехнулась психологиня, останавливаясь рядом с Волковым. – Вряд ли. Все твои друзья останутся в тайне, и я никому ничего не скажу. Договорились?

– Ну, ладно, – растерялся Ярик от такого обращения. Учителя так с ним никогда не разговаривали. – Но кому-то вы все же расскажете? – Он неуверенно разжал кулак, скомканная бумажка упала на парту.

– Тебе и расскажу. – Ольга Владимировна так же медленно взяла со стола комочек и осторожно расправила. – Если тебе будет интересно. Я поговорю с каждым, кто этого захочет.

– Ой, а вы можете по почерку сказать, какой у человека характер? – Аня Смолова с восхищением смотрела на проходящую мимо психологиню.

– Могу. – Ольга Владимировна мягко улыбнулась.

– Тест какой-нибудь тоже можете провести? – из-за ее плеча выкрикнула соседка по парте, еще одна Аня, но теперь уже Плотникова. – Ну, там на судьбу или какая у кого жизнь?

– Могу. – В глазах Златогоровой появилась скука – все эти темы ее не интересовали. Она выровняла листочки у себя в руках и направилась к двери.

– Надеюсь, результат этого эпистолярного жанра я узнаю первый, – задержал ее на пороге Червяков.

– Да, – кивнула Ольга Владимировна. – Но это не единственное, что нужно будет сделать.

– Вы даже себе не представляете, какой объем работы вас ждет, – растянул тонкие губы в улыбке математик.

– Вам наши мозги еще чистить и чистить, – добавил Васильев, дергая за воображаемую ручку спуска воды в уборной. – Чесать – не перечесать.

Психологиня задержала свой взгляд на Андрюхе и вышла. Класс запоздало вскочил, а потом в разноробой начал садиться.

– Чего это у нас теперь такое будет? – заерзал на своем месте Когтев.

– А вы что думали? – Математик прошел к учительскому столу, заставляя учеников повернуть головы в свою сторону. – Вам все ваши выходы с рук сойдут? Срывы уроков, хамство, неуправляемость? Васильев, не забудь дать дневник. Новую четверть нужно начать с новой записи.

Не задался у Васильева первый день третьей четверти, совсем не задался. Андрюха поси- дел, барабаня пальцами по столу, а потом резко повернулся назад.

– Дырку прожжешь, – бросил он Рязанкиной, даже не думавшей поднимать на него глаза.

– Пара лишних дырок тебе не помешает, – огрызнулась Ксюша, взяла ручку и начала рисовать на полях тетради спирали. Все они заканчивались аккуратными стрелочками. Это было единственное умение, вынесенное ею со скудных уроков черчения. Сейчас в ее тетрадке было выведено слово «Васильев» и все истыкано стрелочками. А рядом спирали, спирали. И чем туже закручивалась спираль, тем ярче загорались глаза у художницы.

– Чего молчишь? – склонилась к ней Курбаленко. – Ответила бы ему!

– Я с дебилами не разговариваю, – отгородилась от нее Ксюша. Еще не хватало, чтобы Лиза догадывалась, до какой степени ей сейчас плохо. И даже не плохо, а хуже некуда. Нет, не так! Хуже того, когда хуже некуда.

Видеть рядом человека, в которого влюблена, слышать его, но не иметь права хоть что-нибудь сделать. Потому что первое правило «бывшей» девушки гласит: «Никаких компромиссов! Если тебя бросили, сделай все, чтобы как можно быстрее его забыть. Разрывать отношения надо сразу».

А как тут все разорвешь, если человек прервал отношения исключительно по собственной глупости и уже наверняка об этом жалеет. Первым признать свою неправоту Васильев не может, типа, гордый.

Именно эта гордость Ксюше в нем и нравилась. Андрюха был не таким, как все, он был особенным, всегда старался выделиться, не потеряться в серой массе, делал все, чтобы его заметили и запомнили. И это было понятно. Мальчик ниоткуда, без денег, без связей – чтобы чего-то добиться, ему придется грызть землю зубами. И он уже сейчас готов это делать. Рядом с безвольными равнодушными парнями Андрюха смотрелся яркой звездой. В лучах этой славы всегда было приятно находиться. И вот теперь надо было что-то делать – либо идти на поклон, либо вновь оставаться одной, потому что никто другой Васильева заменить не мог бы.

Так они и сидели, разделенные проходом. Ксюша старалась не поднимать глаза, чтобы лишний раз не расстраиваться, Васильев не упускал случая, чтобы ее не поддеть, а сидящая рядом Курбаленко скрежетала зубами от досады, что ей никто ничего не рассказывает.

– А чего поругались-то? – заерзала на стуле Лиза.

– Я ни с кем не ругалась, – поджала губы Ксюша и принялась рисовать новую спираль.

– Ты чего, на него обиделась? – подошла с другой стороны Курбаленко.

– На дураков не обижаются, – захлопнула тетрадку Рязанкина.

– Ну, чего произошло-то? – стала выходить из себя Лиза.

Ксюша подняла на нее свои темные глаза и вдруг широко улыбнулась.

– С Новым годом! С новым счастьем! – прошептала она, придвигая к себе тетрадку по алгебре.

Если она сейчас что-то не придумает, то разрыдается на глазах у всего класса. Гад Васильев! Гад, гад, гад и сволочь! Его надо ударить, и как можно больнее! Пускай сам почувствует, как больно сделал ей. Пускай поймет, что с ней так вести себя нельзя. Она отомстит, она сотрет эту наглую ухмылку с его лица. Когда он увидит, что потерял, когда приползет к ней на коленях, вот тогда они поговорят.

Математик что-то вещал, половина доски была исписана мелким, плохо читаемым почерком. За спиной бубнили. Рязанкина повернулась, чтобы посмотреть, задела локтем ручку, и та соскользнула с парты.

Среди общей тишины ручка звонко цокнула об пол, подпрыгнула и развалилась на две части. Пружинка юркнула между стульями. Стержень подкатился под ноги сидящего через проход Юрки Гребешкова.

Стук мела на секунду прервался. Математик недовольно посмотрел на замерший класс.

Мгновение Ксюша растерянно глядела на сломанную ручку. Не то чтобы ей было жалко, просто все как-то удачно совпало – напряженные отношения с Васильевым, появление странного психолога, теперь это падение.

Юрка шевельнул ногой, отталкивая бесполезный стержень, и спросил:

– Одна, что ли?

Ксюша кивнула, готовая вот-вот расплакаться. Она и сама не ожидала, что так расстроится, и сдерживалась из последних сил.

– Держи!

– На!

Васильев оказался быстрее, но Рязанкина только мазнула по нему взглядом и взяла ручку у Юрки.

– Спасибо!

Гребешков довольно хмыкнул и начал копаться в сумке. Ксюша еще долгую минуту смотрела на него, а в голове у нее рождался гениальный план мести.

Юрка сбросил на пол дорогой кожаный чемодан и громко стукнул новой ручкой о парту, выщелкивая стержень. Ксюша глянула на свою добычу. Ручка, доставшаяся ей от Гребешкова, была тонкой, с деревянным корпусом, с блестящими, «под золото», ободком и клипсой. Выглядело все это дорого и стильно.

Рязанкина медленно повернула голову и уставилась на Юрку, словно впервые видела его. Высокий, худой, с тонкими чертами лица, в модной футболке и пиджаке, в новых джинсах, в начищенных ботинках.

Васильева с Гребешковым можно было и не сравнивать, Андрюха по-любому проигрывал. Он сидел вполоборота и все еще крутил в руках не понадобившуюся ручку. Андрюха не был красив, и даже привлекательным его нельзя было назвать, он уже давным-давно не появлялся в обновках, лицо его редко меняло скучающее выражение, и от этого он казался постоянно мрачным и недовольным.

Как говорится, делайте выводы.

Заметив Ксюшин взгляд, Васильев отвернулся. Он бы и хотел высказать все, что накопело у него на душе, но сейчас сделать это было невозможно – слишком тяжело все это было для него. Рязанкина опустила ручку на листок и машинально нарисовала очередную спираль. Решение она уже приняла.

Не успел отзвенеть звонок, Рязанкина подошла к парте Гребешкова.

– Возвращаю, – улыбнулась она, кладя на Юркину тетрадь ручку.

– А чего, еще целый день! – пробубнил он, заметно теряясь рядом с Ксюшей. Всегда безукоризненно одетая, с безупречным маникюром и идеальной прической – рядом с Рязанкиной не терялся только слепой. Опомившись, что он все еще сидит, Гребешков вскочил. Но тут почувствовал еще большую неловкость, потому что теперь смотреть на Рязанкину ему пришлось сверху вниз – он был очень высоким, Ксюша очень низкой. – Возьми, короче, себе, – пробормотал он, запутавшись окончательно, и упал обратно на стул.

– Рязанкина, не теряйся, – не выдержал этой нарочитой театральщины Васильев. – Завидный жених! Голодной не останешься!

Ксюша пропустила замечание Андрюхи мимо ушей. Еще немного постояла на месте.

Издергавшийся Гребешков сунул, наконец, злополучную ручку в кулак Рязанкиной и стал выбираться в проход.

Но выйти не успел. Дверь класса распахнулась, и на пороге возникла невысокая полная женщина с фиолетовыми волосами, на пухлых щеках ее еле держались очки. Болезненно скривившись, она оглядела класс и только потом, опасливо косясь на замерших учеников, прошла в дверь.

– Так, – произнесла она с одышкой. – Юрий Леонидович, я к вам!

Это была мать Павла Быковского, того самого парня из их класса, которому больше всего досталось во время драки на новогодней вечеринке.

9-й «Б» с любопытством уставился на нее.

Червяков сначала долгим взглядом посмотрел на Быковскую, а потом повернулся к своим подопечным.

– А вы что замерли? – недовольно воскликнул он, вскакивая со своего места. – Быстро на перемену!

Быковская поморщилась и с какой-то обреченностью посмотрела на зашевелившихся девятиклассников.

– У меня к вам серьезный разговор, – заговорила она, не дожидаясь, когда уйдет последний. – Надо что-то делать. Просто так этого оставлять нельзя. Мы его потеряем!

– Вы о Павле? – насторожился Червяков, с ходу не разобравшись, о ком идет речь. – У него что-то со здоровьем?

– И со здоровьем тоже!

На этих словах из класса вышел Когтев, и дверь за ним закрылась.

## Глава вторая

### Шекспиру и не снилось

*Жизнь имеет в точности ту ценность, которой мы хотим ее  
наделить.*

*И. Бергман*

– Жизнь становится все удивительней и удивительней, – прокомментировал увиденное Васильев. – Звякнуть, что ли, Быковскому, узнать, что стряслось?

Он достал из кармана сотовый и с чувством превосходства посмотрел вокруг – кое у кого тоже были трубки, но позвонить Быковскому он догадался первым. Павла дома не оказалось, а собственным мобильным телефоном тот еще не обзавелся.

– Вот такие дела, брат, любовь... – пробормотал Андрюха, оглядываясь на одноклассников.

– Подожди! – перебил Васильева Ярик Волков, прижимаясь ухом к двери.

– Ой, неужели она из-за драки пришла? – сокрушенно покачала головой Аня Смолова. – Ой, неужели что-то будет?...

– Ой, да что это? Ой, да как это?... – передразнил ее Андрюха. – Сейчас все узнаем!

Он оттолкнул Волкова от двери и сам приник к замочной скважине. От досады Ярик подсек его под колени. Чтобы не упасть, Васильев схватился за ручку, потянул ее, и дверь распахнулась. Андрюха полетел на пол, увлекая за собой Волкова.

9-й «Б» прыснул во все стороны.

– Вы совершенно правы! – громко произнес Червяков, появляясь на пороге. – Прекрасно начинаешь четверть, Васильев! Вот, смотрите, Тамара Александровна, с каким контингентом приходится работать.

– Ой, ну что вы говорите, – протянула мать Быковского, поправляя сползающие с носа очки. – Сейчас такое время...

– Идите отсюда! – прикрикнул на своих подопечных математик. – Устроили черт знает что! Младших классов постеснялись бы! Они на вас смотрят! Пример с вас берут!

– Нормально, – пробормотал Андрюха, трогая скулу, на которой набухла свежим рубцом ссадина. – Хоть что-то полезное из школы вынесут.

Юрий Леонидович холодно посмотрел на него и захлопнул дверь. Повернулся в замке ключ. Васильев по привычке поискал глазами Ксюшу, но не нашел ее.

Ему стало тоскливо и неудобно. За последнее время он привык к тому, что рядом с ним постоянно находится Рязанкина, поддерживает, защищает. И не то чтобы без нее он был таким уж уязвимым, просто раньше он даже не задумывался, что для него значила Ксюша. И это неприятное открытие было вдвойне болезненным оттого, что поссорились они в самый неподходящий момент.

Андрюха сжал зубы и поднялся.

Ладно, проживем и без нее. В конце концов она сама прибежит проситься обратно. Без Васильева Рязанкина пропадет. Он такой! Ему замены не существует.

Андрюха зло поморщился, оглядывая быстро пустеющий коридор.

Он сам не понимал, что с ним происходит. Ему ничего не мешало подойти к Ксюхе и сказать, что он ее прощает. Но для этого нужно было, чтобы Рязанкина сама хоть как-то дала понять, что ей тяжело без Васильева, что она хочет все вернуть обратно.

А Рязанкина все молчала и молчала, и даже смотреть на него не хотела. Просидела весь урок как истукан, глядя в тетрадку. Стрелочки небось рисовала, спиральки. Он же ее знал как облупленную! Сколько раз видел спиральки на полях ее тетрадей. Знал, что от раздражения

она постукивает мыском туфельки по полу, что по сто раз проверяет, ровно ли лежит лак на ногтях, не растрепалась ли прическа.

Нет, не растрепалась! Все ровно! У Рязанкиной всегда все аккуратно и правильно! И вот сейчас вся эта правильность сидела через проход и даже глаз на него не поднимала.

Ух, как это все Васильева бесило! Он изо всех сил старался не обращать на Ксюху внимания, специально проходил мимо и не поворачивал головы. А она ручку у Гребешкова взяла, глазки ему строила, на переменах где-то пропадала.

Бабы дуры! И Курбаленко дура! Целый класс идиотов! Ничего они не понимают. Вот бросит он эту школу, тогда они все подохнут от своей правильной тоски.

Теперь надо было совершить что-то сногшибательное, чтобы Ксюхе захотелось вернуться. Что-то яркое и необычное. И все станет как раньше.

Рязанкиной же не было дела до Андрюхиных стараний. Пока Червяков в очередной раз выяснял отношения со своим классом, она поднялась на четвертый этаж и смело вошла в кабинет химии. Десятиклассники не сразу заметили у себя постороннего человека. Поэтому Рязанкина легко нашла сидящую за партой Алису Ветковскую. Это была высокая девушка с маленьким красивым лицом, пышные волосы ее были собраны в две смешные косички.

– Здравствуй, Алиса, – остановилась около нее Ксюша.

Ветковская удивленно вскинула брови.

– Привет тебе от Сидорова.

Рязанкина улыбнулась, а вот Алиса занервничала, быстро глянула вокруг, покрутила между пальцами кончик косы.

Она тоже присутствовала на той злополучной вечеринке, ее пригласил Сидоров, вундеркинд и умница из Ксюшиного класса. Он был влюблен в Алису. Но оказался не единственным претендентом на ее внимание. За Ветковской на вечеринку пришел громила Алекс. Он-то драку и затеял. Ксюша не сомневалась, что Быковского бил именно он. Но почему именно Быковского, а не Сидорова? Узнать все можно было только у Алисы.

На следующей перемене Рязанкина знала о драке все. Осознание своего превосходства над остальными затмевало саднящую боль от разрыва с Васильевым. С другой стороны, она понимала, что превосходство это недолгое. В любой момент тайна может стать известна всем, поэтому ей надо было как можно быстрее воспользоваться. И воспользоваться с умом.

Первый день новой четверти стремительно несся к своему концу, когда около кабинета биологии, где отсиживал свой последний урок 9-й «Б», появились ашки.

– Чего приперлись? – остановил их на пороге Волков.

Отношения между двумя классами не были дружескими. До открытых конфликтов не доходило, но на переменах и в столовой они обходили друг друга стороной.

– Быковского позови, – вышел вперед невысокий крепкий Майкл Махота. – Разговор к нему.

– Какой разговор? – Васильев демонстративно выставил вперед ногу, давая понять, что без отчета Махота через порог не переступит.

– Ты у него, чего, в шестерках бегаешь? – зло процедил Майкл, отталкивая Андрюху. Стоящий у него за спиной Ян Константинов налег на спину Махоты, впихивая его вместе с Андрюхой в класс.

– Бык! Проявись! – гаркнул невысокий Ян, оглядывая опешивших от такой наглости бэшек.

– А его нет, – отозвался бесхитростный Когтев.

– Дома отсиживается? – Лицо Наташки Жеребцовой из «А» было полно презрения. – За мамочкиной спиной прячется?

– Это кто прячется? – начала подниматься толстая Марго.

Дальше все заговорили и закричали одновременно, толпа повалила в коридор, и он тут же оглох в общем гвалте.

Под общий шум Курбаленко подобралась поближе к стоящей в сторонке белобрысой Юльке Наумовой из параллельного. С Павлом Быковским у нее были свои отношения. Он ей нравился. А самому Павлу нравилась Лера Гараева из «А». Но Гараева уехала в свою родную Махачкалу сразу после праздников, и, как надеялась Лиза, если не навсегда, то хотя бы надолго.

– Дурдом! – в сердцах выругалась она, делано хватаясь за щеку. – Весь день шумим. Уже голова болит. К нам с утра прибежала мамаша Быковского, о чем-то шепталась с Червяковым.

– Дошепталась, – зло процедила Юлька.

– Чего хочет? – осторожно подвела к нужной теме Лиза.

– Чтобы Павел не общался с Гараевой.

– Ничего себе! – ахнула Курбаленко. – Чего это она?

– Считает, что Павла побили из-за Лерки, – голос у Наумовой был скучающий. – И вообще она против того, чтобы он общался с черномазой.

– С кем? – не поняла Лиза.

– Ну, кто она там – чеченка, дагестанка? – лениво тянула Юлька. – Дикая, короче.

– Ну да, дикая, – медленно согласилась Лиза, вспоминая одно давнее дело, когда ей пришлось иметь дело с Гараевой. Тогда она Леру посчитала даже не дикой, а сумасшедше<sup>1</sup>

– Вот это сюжетец! – за спиной Курбаленко вырос Васильев. – Ромео и Джульетта forever. Этот придурок еще бы в Махачкалу собрался поехать.

– А он и собрался, – хмыкнула Наумова, но тут у них за спинами поднялась новая волна шума, взвизгнула Ксюша. Васильев метнулся на крик, но успел заметить только, как Рязанкина впечатывается спиной в стену и сползает на пол.

– Быстро! – крикнула Наташка Жеребцова, увлекая за собой Наумову. Она первая сообразила, что ничего хорошего из этого падения не выйдет.

– Эй, ты чего? – еще пытался оправдаться Махота, но поднявшийся шум, грохот переверчиваемых парт и стульев заглушили его слова. Все кинулись врассыпную. Кто-то за кем-то бежал. Кто-то кому-то что-то доказывал. Завизжали малыши. В сутолоке задели учительницу начальных классов.

Настойчивый звонок не смог вернуть школе привычную тишину. Третий этаж был похож на растревоженный улей. Высокие фигуры учителей мелькали то тут, то там. Преподаватели пытались навести порядок, потерявшиеся в сутолоке малыши только добавляли шума. Понадобились долгие пять минут, чтобы ученики, наконец, смогли успокоиться и разойтись по классам.

– А вы все воюете? – Учительница по биологии, Нинель Михайловна, терпеливо дождалась, когда в классе установится хотя бы подобие тишины и девочки перестанут ахать над разбитой Ксюшиной коленкой. – Война мышей и лягушек продолжается.

– Это кто тут еще лягушка! – возбужденно кричал Васильев. Ему очень хотелось подойти к Рязанкиной, узнать, как она себя чувствует, помочь. Но пока он не решался это сделать. Ксюха могла его высмеять или что-то такое сказать, после чего все опять вспомнят драку на вечеринке. Нет, пускай все уляжется. Через пару дней можно будет делать вид, что ничего не произошло, и попробовать помириться. Да, да, позже, не сейчас.

– Они сами к нам пришли! – Рядом с Ксюшей стоял Гребешков, участливо положив руку ей на плечо.

Васильев сжал зубы и отвернулся. Ничего, и это он запомнит.

– Так обычно войны и начинаются, – Нинель Михайловна повесила на доску плакат с примером естественного отбора. – Никто не виноват, но все обижены.

---

<sup>1</sup> Историю эту читай в книге Елены Усачевой «Три желания для золотой рыбки» из серии «Школьная история».

– Ой, а у нее кровь идет, – ткнула пальчиком в Ксюшину разбитую коленку Аня Смолова. – Может, врача позвать?

– Зачем врача? – Биологичка мельком глянула на ссадину. – Само заживет. У вас последний урок? Ксюша, если хочешь, можешь идти домой.

Рязанкина спустила ноги с парты и тут же зашипела, изображая крайнюю степень страдания.

– Проводите ее кто-нибудь, – бросила Нинель Михайловна, отворачиваясь к доске. Ей было и смешно, и грустно смотреть на девятиклассников. Все, что здесь происходило, было настолько понятно и прозрачно, так были видны все их нехитрые отношения, что ничего, кроме улыбки, они вызвать не могли.

Васильев демонстративно грохнул стулом, привлекая к себе внимание.

Лиза тоже привстала со своего места. Ей не столько интересно было провожать Рязанкину, сколько хотелось попасть к ней в гости и узнать подробности ссоры с Васильевым.

– Давай, что ли, провожу? – подалась вперед сердобольная Аня Смолова.

Не глядя ни на кого, Ксюша сползла с парты, морщась, наступила на больную ногу, покачнулась, протянула вперед руку, ища опоры.

Ее пальцы сжали широкую ладонь Гребешкова – хитрая Рязанкина падала именно на него.

– Ты мне не поможешь? – прошептала она, не поднимая глаза.

– Помогу, – растерянно пробормотал Юрка, оглядываясь на учительницу.

– Сходи, Гребешков, сходи, – кивнула Нинель Михайловна.

– Сходи, сходи! – как эхо отозвался Васильев. – На том свете зачтется. А еще не забудь перевести через дорогу десяток бабушек и снять с дерева котенка. За это завтра мы тебе на портфель наклеим красную звездочку, как лучшему тимуровцу!

– Засохни, Вафел, – огрызнулся Юрка, неумело держа Ксюшу под локоть. – А то спланируешь у меня сейчас в окно.

– Давай, давай, ползи! – Андрюха пнул стоящий перед ним стул, и тот упал в проход как раз перед Гребешковым с Рязанкиной. – Рожденный ползать чихать не может!

– Васильев! – биологичка постучала по столу карандашом. – Урок идет.

– Гребешков! – Андрюха ткнул пальцем в сторону учительницы. – Урок идет, а ты ползешь!

– Васильев, прекрати! – не выдержала Аня Смолова. – Дай людям уйти.

– Чем я им мешаю? Могу даже дверь открыть! – Андрюха перемахнул через парту и ринулся к двери.

– Васильев, – напомнила о себе Нинель Михайловна. – Угомонись.

– А может, я тоже пойду? – тихо спросил Андрюха, останавливаясь на пороге.

Ксюша медленно шла на него. Перед глазами Васильева стояли ее побелевшие костяшки пальцев, изо всех сил сжимавшие Юркину руку. Как же хорошо он знал эти тонкие пальцы, как часто сам держал их в своей ладони. И вот теперь...

Ладно, один-ноль в ее пользу. Пусть пока живет.

– Васильев, замолкни, – загудели со всех сторон.

– Сядь!

– Не отвечивай!

– Желание народа – закон, – покорно склонил голову Андрюха и демонстративно захлопнул дверь прямо перед Гребешковым с Рязанкиной.

– Я тебя сейчас урою, – прошептал Юрка, складывая внушительный кулак.

– Даму свою не потеряй, – махнул рукой Васильев, стороной огибая застывшую на выходе пару.

– Андрей, а какой у нас сегодня день недели? – Пока школьники выясняли отношения, учительница открыла журнал.

– Пятница, – буркнул первое, что пришло в голову, Васильев.

– Пятница – тринадцатое! – возмутился с галерки Волков. – Сегодня вторник!

– Вторник? – удивленно подняла брови Нинель Михайловна и пододвинула к себе журнал. – А разве не среда?

– Так вчера же было десятое! – Плотникова испуганно защелкала кнопками сотового телефона.

– При чем здесь десятое? – недовольно проворчал Когтев. – Десятое – это не день недели.

– Да пожалуйста! – Васильев стал тыкать в класс трубкой мобильного. – У меня здесь написано, что пятница.

– И давно у тебя эта пятница? – усмехнулась Олеся Маканина.

Андрюха собрался ей ответить, но краем глаза заметил, что в дверях уже никто не стоит, и настрой с кем-либо спорить у него тут же пропал.

– Вторник так вторник, – легко согласилась Нинель Михайловна, откладывая журнал. Всю эту чехарду с днями недели она затеяла только затем, чтобы отвлечь учеников от спора. Уловка явно удалась. – Открывайте тетради, пишите новую тему. Основные учения об эволюции.

Вздыхая и корча недовольные лица, 9-й «Б» зашуршал тетрадями.

– Мы с вами уже говорили, что в природе все взаимосвязано. Природа – это один большой, хорошо слаженный организм. В нем ничего не может произойти просто так. Все имеет свою причину и последствия.

Васильев медленно спрятал телефон в карман. Судьба планеты Земля его не интересовала. Из всех уроков биологии он запомнил одно – выживает сильнейший. Именно свое право сильнейшего он и собирался защищать.

## Глава третья

### Вожак стаи

*Жизнь на десять процентов состоит из того, что вы в ней делаете, и на девяносто – из того, как вы ее принимаете.*

*С. Мюм*

Звонок на секунду захлебнулся, пропустил один такт и взвился с новой силой.

Васильев, пол-урока просидевший в обнимку со своим рюкзаком, даже не шевельнулся. Ему нечего и не с кем было обсуждать, некому было говорить «Пока» и жать руки. Его никто в этом классе не интересовал.

Дверь открылась, и в кабинете появилась Ольга Владимировна. Была она уже не такой сонной, наоборот, на фоне утомившихся за первый учебный день школьников выглядела очень даже бодрой. Психологиня посмотрела на девятый класс, кивнула им, как старым знакомым, и прошла к доске, привлекая к себе внимание.

– Ну вот, опять сканировать будут, – проворчал Когтев.

– Не буду, – усмехнулась Ольга Владимировна.

Васильев вздохнул, поставил рюкзак на парту и опустил в него голову.

– Нам нужно договориться, когда мы встретимся и поговорим с вами. Можно сделать это сегодня... – Дальнейшее ее сообщение потонуло в возмущенном гуле. – Юрий Леонидович сказал, что ему удобно завтра! – постаралась перекрыть недовольные восклицания Златогорова. – Значит, договариваемся на завтра, – захлопала она в ладоши, и от этого беспомощного жеста Андрюха фыркнул в рюкзак.

– Да кому нужна эта байда? – выкрикнул он, выглядывая из-за молнии. – Мы и так все про себя знаем.

Класс загудел, выясняя, кому нужно идти к психологу, а кому нет. Чаще всего назывались фамилии Васильева и Когтева. На что Стас вяло переругивался, а Андрюха предпочитал отмалчиваться. Смолова настойчиво требовала проведения больших тестов, чтобы сразу стало понятно, что человек из себя представляет.

– Давай я тебя так протестирую! – кричал с галерки Волков. – Чего ты суетишься?

– А что вы скажете Червякову? – с тревогой спросил Когтев. – Что показал тест?

– Все у вас в порядке. – Ольга Владимировна недовольно хмурила брови. – Нормальный класс, как и всякий другой. – Она прошла вдоль доски и остановилась около стола учителя. – Тебя Васильев зовут?

– Ну, зовут, – глухо отозвался Васильев, еще больше закапываясь в учебники и чуть поддергивая вверх молнию.

– Пойдем со мной! – Психологиня положила на парту рядом с рюкзаком ладонь. – Поднимайся.

– Чего это? – Он немного повозился, подбирая слова, и добавил: – А если у вас проблемы, то прием у меня только на следующей неделе. Мне хватило на сегодня бабских слез. Рязанкина обрыдалась у меня на плече.

Класс замер. Васильев нарывался на скандал. Хамить новому, еще не знакомому учителю – это было слишком.

Ольга Владимировна опустила руку в карман, покопалась в нем и снова положила ладонь на стол, чем-то звякнув о парту.

Андрюха поднял покрасневшее от рюкзачной духоты лицо.

– Возьми! – улыбнулась психологиня.

На столе лежал ключ на большом медном кольце.

– Четырнадцатый кабинет. В ящике стола лежит результат теста. Прочитай его. Тебе будет полезно.

Она пошла к выходу, ни с кем не попрощавшись.

Васильев вдруг понял, что его банально развели, как младенца. Он подбросил на ладони ключ, борясь с желанием забросить его подальше в угол.

Ничего нового эта Златогорова сказать ему не могла. Будет нести всякую чушь типа того, что заниматься ему надо гуманитарными предметами, а не техническими, что у него повышенные коммуникативные способности, что он явный лидер... Короче, все это он знал и без нее. Но судя по поведению, психологиня была назойливой, так просто не отстанет. Если Васильев ее сейчас пошлет вместе с ключами куда подальше, она придет снова. А еще хуже – что-нибудь плохое скажет про него Червякову, тогда еще и с математиком придется бодаться.

Андрюха позвенел ключом.

– Учитесь, мелюзга, как надо охмурять баб, – торжественно произнес он. – Пять минут, и она уже готова со мной уединиться в отдельных апартаментах.

– Детский сад, – покачала головой Нинель Михайловна, собирая со стола тетради. – Какие-то вы после каникул дикие пришли. 9-й «А» тоже совершенно невозможно заставить думать.

– Заставить думать нельзя. – Васильев щелкнул замками рюкзака. – Еще в начальной школе нам сделали лоботомию, и мы уже больше ни на что не способны.

– Что вам сделали? – нахмурилась биологичка.

– Лоботомию. – Васильев схватил себя за голову. – Это когда вскрывают череп и вынимают часть мозгов. Так делали в фильме «Пролетая над гнездом кукушки».

– И что же у тебя теперь в голове? Сквозняк? – Нинель Михайловна раздраженно стукнула стопкой тетрадей по столу.

Васильев вышел в коридор. Делать было решительно нечего. Можно, конечно, выяснить, что там случилось с Рязанкиной, не ампутировали ли ей еще ногу по самые уши. Или отправиться к Быковскому, чтобы узнать, какая муха укусила его мать, что она примчалась в школу.

На него накатила лень. Да ну, куда-то идти, что-то делать.

А может, зайти к психологине? Пускай она его наставит на путь истинный, скажет, как ему теперь жить.

Андрюха уже сделал пару шагов по коридору, но вдруг резко изменил направление, подошел к окну и недрогнувшей рукой опустил ключ в ребристое нутро батареи.

Вот теперь пускай побегают, пускай поищут свои ключики...

Довольный, что избавился от ключа и от необходимости к кому-то идти, он пробежал два пролета лестницы. Внизу послышался голос завуча. Встретаться сегодня с Алевтиной Петровной не входило в Андрюхины планы, поэтому он свернул на второй этаж.

Он уже почти добрался до противоположной лестницы, когда какая-то неправильность привлекла его внимание. На одном из кабинетов появилась новая табличка – на ярко-желтом фоне тревожно-красные буквы скачут в разные стороны. Табличка была настолько необычной, что пройти мимо было невозможно.

«П», «И», «Х», «О»...

Пихо...

Тьфу, ты! Психология!

Ага! Номер четырнадцатый. Сверху в табличку был вставлен сложенный вчетверо листок. Коричневая дверь, желтая табличка, голубой листок. Открываешь дверь, а за ней сидит добрая фея и обещает манну небесную.

Кстати, о двери.

Андрюха похлопал себя по карманам. Куда ключ-то делся?

Пока он ощупывал себя и перекидывал рюкзак с плеча на плечо, глаза его неотрывно смотрели на записку.

Какой идиотизм вкладывать записку просто так. Ее может кто угодно взять. А кому надо, так и не достанется.

Через секунду рюкзак валялся на полу, а сам Васильев шуршал голубым листком.

«В столе, в верхнем ящике лежат все ваши листочки, а под ними результат теста. Посмотри его спокойно и подумай. Об этом пока не знает никто, кроме тебя. И не узнает, если ты сможешь правильно себя повести. О.В.»

Текст был непонятный. Ни обращения, ни объяснения.

Андрюха еще раз пробежал глазами по ровным строчкам, продолжая похлопывать себя по карману.

Это же психологиня *ему* написала! Она догадывалась, что он не воспользуется ключом, но обязательно пройдет мимо, прочитает записку и тогда уже не сможет удержаться от соблазна все узнать.

Что же там, в этих результатах? Выяснилось, что он самый умный? Что ему на роду написано стать Наполеоном и свершить революцию? Какой такой секрет выяснила психологиня, что не стала говорить при всех? Чего она испугалась? Правда настолько страшна? Или так неожиданна?

Андрюха скомкал листочек и сунул в карман.

Войти хотелось смертельно.

А ведь он случайно здесь оказался. Если бы не Алевтина, он бы прошел по другой лестнице и никакой записки не увидел бы. И трюк психологини провалился бы.

Черт, интересно-то как!

Васильев подергал дверь.

Закрывается.

Нужен ключ. Тот, что был у него, застрял в батарее. Запасной может быть в учительской или у вахтера.

Что же он стоит? Скорее к батарее!

Андрюха помчался наверх.

Ключ застрял капитально. Его еще можно было нащупать, если подsunуть палец снизу, но сверху его даже не было видно. Нависающий подоконник мешал протолкнуть ключ ниже.

Андрюха отбросил указку, раздобытую в кабинете химии, и в сердцах стукнул по упрямой батарее. Она отозвалась гулким эхом, и Васильев перепугался, что на шум сейчас сбегится толпа.

Вжимая голову в плечи, он бросился к кабинету химии, единственному из всех оставшемуся открытым.

Можно было, конечно, провести эксперимент и попробовать вылить в батарею какой-нибудь химической жидкости. Она там что-нибудь окислит, и ключ вывалится сам. Но Андрюха не был силен в химических формулах, какую жидкость взять, чтобы при соединении с батареей из нее выпадал ключ с большим медным кольцом, он не знал.

И тут ему на глаза попались магниты. Небольшие черные брусочки, с помощью которых на доску крепились карты и таблицы.

В следующую минуту он снова сидел на корточках в низком поклоне перед батареей. Он упрямо водил по ребристому боку магнитом, в надежде, что ключ спустится вслед за магнитом вниз.

То ли ключ был не железный, то ли магнит сильно лип к батарее, но только ничего у Андрюхи не получалось.

Тогда он решил попробовать спустить магнит сверху. Если ключ не хочет прикрепляться через толстую батарею, то уж напрямую схватится точно.

Во все еще пустующем кабинете химии Андрюха раздобыл леску, перевязал ею магнит и спустил в ребристый отсек.

Магнит тут же прикрепился к стенке и никуда больше падать не соглашался.

От отчаянья Андрюха шепотом выругался.

Да что же это такое! Как будто кто-то издевается над ним! Какого лешего он закинул этот ключ так далеко? Руки чесались?

Чтобы наказать эти самые непослушные руки, он пару раз сильно ударил по жесткой батарее кулаком.

Затрепетала, застонала сложная конструкция школьного отопления и...

И ничего не произошло.

– Если где-то нет кого-то,

Значит, кто-то где-то есть.

Только где же этот кто-то?

И куда он мог залезть? – произнесли у Андрюхи за спиной, и тот шлепнулся на пол от неожиданности.

Сначала Андрюхе бросилась в глаза необычная окантовка на джинсах стоящего перед ним человека. Джинсы были надставлены, поверху шов скрывала широкая тесьма.

– Записку прочитал? – по-деловому спросила Ольга Владимировна. Ее не смущало, что человек, к которому она обращается, сидит на полу, как будто она каждый день практикует такое общение.

– У меня ключ застрял, – пробормотал Васильев, стараясь сохранить невозмутимое выражение лица, все-таки ситуация была наиглупейшая.

– Держи!

Психологиня сделала уже знакомое движение рукой, и на Андрюхину ладонь упал ключ. Желтенький. С большим медным кольцом.

– А как?... – смутился он.

– Посмотри, что там написано, а потом мы поговорим. – Ольга Владимировна протянула Васильеву руку, предлагая свою помощь, но он поднялся сам.

– Чего, достали, что ли? – буркнул он, от неловкости не зная, что делать – то ли бежать куда глаза глядят, то ли с достоинством спуститься на второй этаж.

– Он сам выпал.

– И давно? – напрягся Андрюха, чувствуя себя последним «чайником» эпохи. Развестись на такую подставу! Ключа в батарее не было, а он его все доставал и доставал. Интересно, сколько бы он еще тут скакал, если бы не психологиня?

– Ничего, в следующий раз получше запрячу, – мрачно пообещал он и отправился вниз.

У него было сильнейшее желание дойти до второго этажа, забросить ключ за очередную батарею и с чувством выполненного долга отправиться домой. Но на доставание застрявшего ключа у него ушло столько сил и времени, что Васильев пока решил повременить с каверзами.

На лестнице было тихо – за ним никто не шел. Если бы психологиня отправилась следом, Андрюха бы сбежал. Не станет он что-либо делать под чужим присмотром!

Но она осталась на четвертом, и Васильев заспешил вниз.

Наверняка в кабинете его ждал какой-нибудь невинный результат – средний уровень интеллекта, способности такие-то, характер нордический, темперамент устойчивый... и подобная фигня. Но втайне он надеялся на что-нибудь фееричное. Что исследование вскрыло в нем феноменального гения или кровавого маньяка. Андрюха совсем забыл, что отвечали все на невинный вопрос, кто с кем дружит, поэтому тест не может дать такие итоги. Но ему очень хотелось увидеть именно это, о другом он не думал.

Дверь оказалась не заперта, но это было уже и неважно. Он неожиданно почувствовал себя уставшим. Столько возни с этой батареей, волнения первого дня четверти. Надо было бежать домой.

В узком кабинете стоял стол, вдоль стен с двух сторон стулья и низкий комод с не в кассу лежащей здесь плюшевой игрушкой, маленькой невзрачной лохматой собакой.

Стол был пуст. Васильев покрутился вокруг, не сразу вспомнив, что искать надо в ящиках. Он стал безжалостно дергать ручки.

Пусто, пусто, пусто... Ага, вот!

Ворох бумажек со знакомыми именами и фамилиями, из-под низа торчит большой лист. Результат.

На белоснежном пространстве был нарисован круг, по нему раскиданы разноцветные точки – зеленые, красные, черные... Рядом имена.

Ниже шел столбец с фамилиями, и напротив каждой какое-нибудь словосочетание. Чаще всего встречалась фраза «замкнутая система».

Его фамилия была написана черной ручкой, и рядом с ней стояло три восклицательных знака.

– Что это?

Он не слышал, как Ольга Владимировна вошла, но почему-то был уверен, что она уже в кабинете.

– Ребята писали, кто с кем дружит, или хотел бы дружить, или кому доверяет. Когда трое указывают друг на друга и больше их никто не выбирает, то это называется «замкнутая система». Это не очень хорошо, ведь получается, что больше эти ребята никому не интересны.

– Что это? – Андрюха ткнул пальцем в свои восклицательные знаки. Чьи-то там «замкнутые системы» его не интересовали.

– Кого назвали больше всего, считается «звездой», – Ольга Владимировна упорно игнорировала вопросы Васильева. – «Звезд» у вас в классе двое. – Андрюха на секунду задержал дыхание, готовясь к тому, что назовут его и, может быть, Быковского. – Беленькая у девочек и Гребешков у мальчиков.

– А я кто? – Васильев забыл выдохнуть и закашлялся.

– К сожалению, тебя не выбрал никто, только ты сам, – психологиня попыталась смягчить голосом тяжелый приговор, но произнесла она это все равно жестко. – Это называется «изолируемый».

– Что? – От неожиданного заявления в голове у Андрюхи все перемешалось.

– А так как ты, судя по всему, считаешь себя лидером, то я и хотела с тобой поговорить. Ящик на его пути попался случайно. Он кулаком стукнул по выдвинутой полке, та с грохотом въехала в стол, внутри нее что-то загремело.

Васильев успел пройти вдоль стола, когда в голове у него забилась, заорала тревожная мысль.

Что может звенеть в ящике, где лежит только бумага?

Ольга Владимировна улыбалась, уверенная в том, что ее метод общения с подростками сработал. Но Андрюху никогда не волновали чужие проблемы. А сейчас и подавно.

Он метнулся обратно, рванул на себя правый ящик, выдергивая его из пазов. Полка шваркнула по блестящей обшивке других ящиков и глухо стукнулась острым краем в линолеум пола. Зазвенели, выпадая, несколько желтых ключей на больших медных колечках. Точно таких же, как тот, что все еще находится в батарее!

В дикой ярости Васильев пнул ногой рассыпавшиеся ключи и бросился на выход. По дороге он с невероятным наслаждением рвал листок с результатами.

Изолируемый, говорите? Он им устроит такую изоляцию – мало не покажется!

А психологиня-то какова! Пошутить с ним решила! Маленького нашла! Подсунула ему другой ключ. Да он вообще этот кабинет взорвет! Заколотит дверь, она в него больше никогда не войдет, и ее бесконечные бумажки сожрет плесень!

Андрюха выскочил на улицу и только здесь смог спокойно вздохнуть.

С ним происходило что-то странное. Медленно, как бы нехотя, в его душе сдвинулся тяжелый валун, качнулся, размышляя, в какую сторону ему упасть, на секунду замер и покатился вниз, каждым своим ударом причиняя невероятную боль. За этим камнем потянулись другие, более мелкие, и вот уже обвал, набирая силы, полетел вниз, погребая под собой измоченную Андрюхину душу.

Васильев ссутулился, надвинул капюшон куртки на нос и медленно побрел к центральным воротам. А за ним рушилась ненавистная школа. В нее летели ядерные ракеты, падали самолеты, врезались танки, где-нибудь в подвале громила все к чертовой бабушке тонна динамита, прорывалась подземная канализация, и оставшуюся от здания воронку заполняла мутная вода.

Значит, никто из их класса не хочет с ним отправляться на необитаемый остров? Ну, Рязанкина – понятно, обиженную из себя строит. Курбаленко – фиг с ней, прилипла к Быковскому и пускай там сидит. Маканина с Беленькой так просто его ненавидят. Но все остальные-то чего? Волков, Гребешков, Когтев, Ротов? Пашки не было, уж он-то точно его написал бы! А Сидоров? Сидоров чего себе думал? Куда он без Васильева? Генку вообще в классе заметили только потому, что Андрюха пару раз облажался.

Нет, ну чего они себе возомнили? Думают, проживут без него? А вот ни фига подобного! Сдохнут.

Нет, эта толпа не сама решила на такой шаг. Их подговорили. Кто-то знал заранее, что придет психологиня и проведет тест. Знать мог Гребешков. У его папани денег до фига, он кого угодно купит. Хоть Червякова, хоть всю школу. Все сходится. Гребешков заранее знает про тест, договаривается, что все пишут его – и вот уже Юрка первый парень на селе. Гагарин, блин, недобитый. То-то он так победно на него смотрел, ручку Ксюхе дал. Типа благородный. Да у него благородства – кулек с дыркой. А эта дура Рязанкина купилась, ручку взяла, провожать его за собой потащила. Дешевка!

В том, что большинство в классе за него, Андрюха не сомневался. Он был яркой личностью, его нельзя было не любить. Да он кого угодно заставит вокруг себя на цыпочках ходить. Стоит только свистнуть, и все девчонки приползут к нему на коленях. Как же не вовремя-то Рязанкина на него обиделась. Сейчас бы она была как нельзя кстати!

Дома Васильев прямо в ботинках прошел в свою комнату и упал на кровать. Ему было обидно, что с ним так поступили. Подумаешь, пару раз лопухнулся, погнал волну, переборщил. С кем не бывает! Люди не ангелы, все ошибаются! И тут вдруг весь класс решил объявить ему бойкот.

Эх, жаль, он порвал бумажку и не посмотрел, какие результаты у других. Он не один должен был быть в позиции изолируемого. Туда вполне могли попасть еще полкласса. Кому нужна эта малахольная Смолова или ненормальная Маканина? А дебил Когтев? А недалекий Ротов? Да та же самая Рязанкина? Ее же все ненавидят. Она к нему прилипла, чтобы хоть немного побыть на виду, погреться в лучах его славы.

Нет, нет, все не так. Это просто начало четверти, и все немного забыли, кто такой Андрюха Васильев и что без него они никуда!

Кто первым сказал, что новогоднюю вечеринку надо делать закрытой и не звать всякий сброд? Он. Кто с самого начала говорил, что Гараеву надо гнать подальше от Павла? Он. Не послушались? Получайте. Теперь мамаша Быковского носится по школе и требует черт знает что.

## **Конец ознакомительного фрагмента.**

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.